

УДК 821.161.1-311.2.09

А. В. Жлюдина

ПУТЬ НАТАШИ КАЛЫМОВОЙ В РОМАНЕ М. А. ОСОРГИНА «СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ»

Рассматривается проблема исследования поэтики пространства в романе М. Осоргина «Свидетель истории». Особое внимание уделяется анализу пути героини романа.

Ключевые слова: *пространство, поэтика, путь, роман, топос.*

В основу сюжета романа М. Осоргина «Свидетель истории» (1932) легли события российской действительности начала XX в. Очевидная документальность романа (использование автором фактов собственной биографии, прототипов героев, изображение реальных исторических событий), которую отмечают исследователи творчества писателя (О. Ю. Авдеева, Б. А. Ланин, Г. И. Лобанова, Т. В. Марченко и др.), отвлекает от авторской художественной концепции. Тогда как именно органичное переплетение реальных фактов и вымысла рождает сложную концепцию истории автора, прояснить которую позволяет анализ поэтики, в том числе пространственного и временного уровня.

Один из сюжетобразующих мотивов «Свидетеля истории» – мотив пути. Сюжет романа основан на пространственных перемещениях двух главных героев – Наташи Калымовой и Якова Кампинского. В авторской концепции истории значимы обе сюжетные линии. М. Осоргин изображает путь пассивного (Яков Кампинский) и активного (Наташа Калымова) деятелей истории. Основные события романа связаны с деятельностью революционеров-террористов, одним из которых становится главная героиня.

Критики упрекали автора в одностороннем изображении террористов. М. Цетлин указывал на восприятие М. Осоргиным самоотверженности, с которой революционеры убивали и разрушали. Г. Адамович считал, что Осоргин идеализирует революционеров. В. Яновским отмечена концентрация автора на «внешних» вещах при недостатке изображения душевного состояния, «душевных сдвигов» персонажей. Однако пространственный анализ текста позволяет опровергнуть претензии на односторонность в изображении террористов.

Путь Наташи Калымовой условно можно разделить на две составляющие: восточную и западную. Такое деление соотносится с делением романа на части. События первой части («Олень») разворачиваются в центральной России, и перемещения героини имеют преимущественно западное направление. Во второй части («Побег») героиня проходит через все пространство страны, двигаясь в противоположном, восточном направлении.

Западный путь образуют перемещения героини между рязанской деревней Федоровкой, Москвой и

Петербургом. Пребывание в каждом из топосов знаменует новый этап жизненного и духовного пути героини. Кроме того, перемещения Наташи Калымовой приобретают в романе историческую обусловленность. Она становится автобиографическим alter-ego автора в прохождении революционного пути. Описывая пережитые лично события, М. Осоргин исследует один из самых важных для него вопросов – вопрос о роли человека в истории.

Первый этап пути Наташи Калымовой связан с формированием ее характера. Природный в своей основе провинциальный, деревенский топос «питает» будущую революционерку: она развивается и физически и духовно. Характер физического развития определяется принадлежностью к рязанскому народу (в прошлом – сильным былинным героям). Духовное развитие реализуется на нескольких этапах, связанных с последовательным освоением рязанского пространства (дома, деревни, леса). Наташа приобретает новые знания, совершает маленькие «открытия», которым автор отводит определяющую роль в становлении ее характера. В топосе, призванном оградить от разрушительного социума, сохранить традиции, защитить от смерти, происходит раскол: пьяный кучер Пахом убивает щенка. Дом демонстрирует героине трагическую сущность мира, порождает в детском сознании череду экзистенциальных вопросов: «Утешали ее напрасно, – можно утешить в любом горе, а тут страшное открытие и загадка не по силам. Открытие – смерть, а загадка – за что? Если можно убить Мушку – то, значит, можно все! Теперь ничему нельзя верить, ни участливым словам, ни добрым улыбкам!» [1, с. 8]. Наташе замечает неопределенность не только мира, но и себя в нем.

Освоение «соседнего» топоса – деревни Федоровки – вписывает героиню в культурное пространство русской провинции, Рязани. Повествователь изображает Наташу в рамках народной культуры, она наделяется внешностью рязанской девушки («Она, рослая, здоровая, голубоглазая...» [1, с. 13]) и характером («Рязанские девушки полногруды и солидны: глаз не закатывают и на шею не бросаются. Но со скучными и расчетливыми людьми им тошнехонько, и долго стоять на месте они не могут и не хотят. Людей определяют на глаз и делят на настоящих и никчемных; с последними не по дороге» [1, с. 13]). Соот-

ветствуя образу своих героических предков, Наташа не боится вступать в поединок с более сильным соперником: «Пароход идет снизу, лоцман видит лодку, а в лодке как будто никого и нет. Уже совсем вблизи он тянет за рукоятку, и по реке пробегает густой гудок. Наташа приподымается, не спеша садится за весла, смотрит, в какую сторону удобнее отплыть, – и в два взмаха нехотя уступает дорогу... Как на качелях – и жутко, и радостно» [1, с. 10].

Освоение пространства леса и реки позволяет героине ответить на возникшие в детском сознании вопросы: познать сущность мира и найти свое место в нем. Наблюдения природных процессов, их органичная структура открывает Наташе не только новый мир, но и себя, как часть этого мира: «Все предметы природы, значит, и камень, и трава, и стрекоза, и солнечный свет, и сама она, Наташа, – все это реально лишь как воплощение божества, как застывшее величие неизъяснимой и всевластной воли, вне нас стоящей. Умом этого не понять, а чувство радо слить в одно целое весь этот трепет мира, и даже безо всяких умствующих ссылок на математику» [1, с. 15]. Первый отрезок пути Наташи Калымовой – «путь-становление». Рязанское, провинциальное пространство формирует и питает упрямую стихийную натуру Наташи. Таким образом, автор показывает истоки формирования в «недрах» народности «силушки» будущей революционерки. На первом народная «силушка» героини не воспринимается заведомо деструктивной. Следующая часть пути показывает один из вариантов применения героиней народной «силушки».

Наташа Калымова уезжает в Москву, где начинается ее революционная деятельность. Вступлению героини на революционный путь способствует и среда, и потребность в реальной деятельности. После выхода из «материнского» деревенского топоса, который не дал возможности для применения «силушки», она попадает в пространство Москвы, ранее бывшее для нее только источником теорий (Ф. Ницше, стоицизм, пути эволюции и революции и т. д.), а теперь, в пору революционных волнений, провоцирующее ее на совершение действия. Сама жизнь вынуждает Наташу на поиск «героев» и участие в исторических событиях: находясь в революционной Москве, она просто не может оставаться «в стороне». Однако автор не объясняет «увлеченность» историей только влиянием окружающей среды. Превращению деревенской девушки в революционерку способствует целый комплекс факторов. Это прежде всего молодость героини: «весна» в жизни страны совпадает с «весной» в жизни Наташи. Во-вторых, это «мода» на революцию: повальное увлечение молодежи революционными идеями. «Игра» в революцию не позволяет ее участникам увидеть абсурдности происходящего: кажущиеся революционерам масштабными революционные события не совпадают с наблюдаемой Наташей объективной реальностью («Опять темными за-

коулками, сами плохо соображая дорогу, они пробрались через “кольцо войск”, которого не было» [1, с. 25]). Еще одним фактором, способствующим приобщению Наташи к революционерам, становится ее увлеченность одним из революционеров. Она идет вслед за руководителем террористической группы Оленем, увидев в нем не только современного героя («белокурый зверь» Ф. Ницше), но и героя личного, влюбляется в него и беспрекословно выполняет его просьбы. Итак, путь в пространстве Москвы становится «путем-поиском», в процессе которого Наташа попадает под обаяние революционной борьбы, определившей ее позицию «деятели истории».

Следующий отрезок пути разворачивается в пространстве Петербурга и может быть охарактеризован как «путь-дело», позволяющий Наташе стать активным деятелем истории. Автор изображает разрушительный характер деятельности террористов. В Петербурге происходит ряд смертоносных событий: взрыв дома министра, взрыв на Аптекарском мосту. Жертвами этих взрывов становятся не только представители официальной власти (они страдают в меньшей степени), но и невинные люди («...перепуганные лица, окрики извозчиков, звонки велосипедистов...») [1, с. 86]), животные («На улице убиты лошади!» [1, с. 87]), разрушается пространство города («Были выбиты стекла и в соседних домах, и на всей улице царило смятение...») [1, с. 86]).

Добровольной жертвой террористической деятельности становится и сама героиня: она отрекается от личной жизни во имя борьбы за будущее счастье народа. Конструктивную реализацию «силушки» Наташи автор изображает в индивидуальной жизни героев. На протяжении всего петербургского «пути-дела» героиня вынуждена строить свой личный мир. Наташа и Олень, изображающие молодоженов Шляпкиных, постепенно вживаются в чуждые для них роли. На фоне истинных чувств двоих молодых людей обнаруживается неестественность революционных ролей, которые они играют.

Автор демонстрирует поэтапное «погружение» героев в естественную для молодых людей жизнь в любви: от неприятия нового жилья (ненужные вещи, опасность пребывания, актуализация границ), связанного с неприятием семейных ролей, к постепенному обживанию личного пространства: ранее чуждое становится ценным. Полное принятие Наташей и Оленем семейных ролей нивелирует прежние пространственные границы: теперь естественными становятся чувства героев. Постепенно театральность в поведении героев пропадает, их квартира воспринимается как настоящий Дом. Служанка не сразу поверит, что ее бывшие хозяева – террористы, приходящие к Шляпкиным гости – члены террористической группировки (Евгения Константиновна, братья Гракхи) принимаются хозяевами согласно всем правилам гостеприимства: естественность хозяев сообщается и гостям.

Выходя за пределы квартиры в пространство Петербурга, Наташа и Олень вынужденно возвращаются к революционным ролям. После громкого революционного дела героини покидают теперь уже привычное пространство Дома, тут же разрушается и миф о личном счастье. Подверженность героев стихии чувств, с одной стороны, демонстрирует эволюцию их сознания, с другой – обнаруживает неспособность утвердить, свои личные ценности. Причину неспособности Наташи и Оленя свернуть с революционного пути автор видит не только в слабости героев (слепой вере в революцию), но и в силе «стихии истории». Исторический поток, подобно водному потоку, вовлекает в свое русло людей и обрекает их на смерть. Страдают не только невинные свидетели истории, но и сами деятели.

Обреченность революционного пути приобретает на страницах «Свидетеля истории» семантику круга. Петербург – арена цирка, в которой выступают акробаты, готовые в любой момент разбиться. Постепенно кольцо (круг) сжимается, сковывая действия террористов (наступление властей). Ранее безопасная окраина Петербурга становится местом ареста участников группировки (один из героев говорит: «Так. Ну, значит, и вас увезут. Крышка нам, Фаня» [1, с. 98]). Последним, самым маленьким кругом становится петля на шее Оленя в момент казни. Мотив замкнутого сужающегося круга появляется в Петербургском пространстве и там же доводится до предела. В случае с Оленем – это смерть, в случае с Наташей – тюремное заключение. Петербургские события завершают первую часть романа. Из Петербурга героиня начинает движение в обратном направлении. Арестованная Наташа вновь, но теперь уже вынужденно, попадает в Москву.

Третье изображение Москвы ограничивается пространством тюрьмы. Небольшое замкнутое пространство обнаруживает прямую связь с масштабным пространством России: тюрьма становится моделью государства. Все пространство тюрьмы поделено на части (камеры) с четкими границами; связь с внешним миром ограничивают тщательно охраняемые тюремные стены («три кирпича»). В московской тюрьме, как и в любом государстве, существуют свои законы: не поддерживать дружеских отношений с заключенными, не держать долгий срок на службе и т. д. Начальница тюрьмы соответствует образу главы государства. У нее особое происхождение («... с очень сомнительным прошлым, но зато с отличной польской дворянской фамилией» [1, с. 139]), необходимые управленческие качества («... в меру строгой, педантичной, выдержанной, самостоятельной...» [1, с. 139]), особая форма контроля («Во внутреннее помещение тюрьмы она являлась не часто, но почти всегда внезапно, охотнее всего по ночам» [1, с. 140]). Пространство тюрьмы соотносимо и с пространством дома надзирательницы (она живет поблизости, «в большом доме, примыкающем к тюрьме», что практически сти-

рает границы между ее личным пространством и тюрьмой; поведение в пределах ограниченного пространства соответствует поведению человека в собственном доме). Соотнесенность тюрьмы с государством передает социально-историческую ситуацию, развернувшуюся в стране. Нормой становится не только большое количество тюрем, но и пребывание свободных людей в условиях, близких к тюремным.

В тюрьме героиня испытывается на жизнестойкость. Не питая надежд на спасение государства, автор дает вариант спасения одного человека. Героиня несвободна внешне, но живет активной внутренней жизнью, растет духовно. Если в начале заключения, готовясь к смерти, она не оставляет своей революционной роли («Она не выдумывает ощущений, а списывает их с портрета сидящей за тюремным столиком революционной героини, весь облик которой ей очень нравится и ее чарует» [1, с. 132]), то за три года заключения в ней рождается жажда к жизни, стремление молодой девушки к полноте жизни. Таким образом, залогом спасения Наташи становится ее обращение к личному, природному в основе своей миру. Благодаря природной жизнестойкости героиня осознает не только абсурдность своей смерти («На двадцать втором году жизни умереть – невозможно! Умирают старики и больные, и это естественно, хотя жаль и их» [1, с. 130]), но и утверждает безусловность свободы всего живого в мире («В оконную форточку проникает воздух улицы. С воли залетает муха и заползает крыса. Через стекло может скользнуть на стенку световой зайчик от кем-нибудь наведенного зеркала... Разве можно связать живую душу!» [1, с. 143]). Обращение к своей индивидуальной жизни возвращает героиню к истокам, к деревне Федоровке, где она находила ответы на экзистенциальные вопросы. Осознание себя независимым от истории природным существом знаменует начало «перерождения» героини. Вера в торжество природных законов, утверждающих лишь естественную смерть и обязательную свободу живому, позволяют героине избежать смерти, выйти из замкнутого пространства тюрьмы самой и вывести «несвободных» физически (каторжанок) и духовно (надзирательницу Анюту) людей.

Выход из тюрьмы проецирует дальнейший путь Наташи. Она покидает центральную часть тюрьмы (замкнутую и тщательно контролируемую), что соответствует выходу из центральной части России, где велика вероятность ее повторного ареста. Прохождение внешней части тюрьмы – конторки – сопоставимо с прохождением героиней периферийной части страны. И, наконец, покидание тюремных границ – выход Наташи за пределы государства. Но до начала «пути-побега», по логике автора-пантеиста, необходимо возвращение Наташи в породившее ее пространство природы.

Началом духовного освобождения героини (после свершившегося телесного освобождения) стано-

вится ее погружение в природный мир. Полного слияния с этим миром не происходит, именно здесь героиня впервые обращается к событиям своей жизни, вспоминая личные моменты. В деревне она впервые вступает в диалог с собой: «Кто я такая и чего я хочу?» [1, с. 170]. В природном топосе как месте подведения итогов жизни автор актуализирует две точки пути: жизнь в Федоровке и пребывание во владимирской деревне. Остальной отрезок, в котором смешиваются все предыдущие части пути) активной деятельности героини связан с деструктивными образами: «...завалилось мусором обрушенных зданий...», «...обрывками страшных, недоговоренных слов...», «...жертвенных костров...» [1, с. 168]. Во владимирской деревне завершает путь прежняя революционерка Наташа Калымова и начинается новый путь русская девушка Наташа. Память, анализ событий прошлого рождает в сознании героини противоборство двух миров: природного («...чудо возврата к простой, полноценной, настоящей жизни – к природе, ласковости леса, легкому духу полей и ясности бытия» [1, с. 169]) и социального («Теперь мир – особо, и она – особо и смотрит на него издали и с недоверием» [1, с. 171]). Следующая часть пути дает иную картину соотношения этих миров.

Во время передвижения из центральной части России в Сибирь происходит знакомство и одновременно прощание героини с родной страной. Отдельные ее районы с характерными природными, культурными и географическими особенностями рождают истинный облик России: не государства, которое можно присвоить, осчастливить, а неповторимую землю, независимую от социума и истории. Мнимый образ страны, за счастье и свободу которой Наташа и ее друзья жертвовали собой, обнаруживает бессмысленность этой жертвы: «И в первый раз с полной ясностью Наташа понимает, что ее молодость была погоней за ничтожным, незначимым и ненужным... Как странно, что ни она, Наташа, ни Олень, никто из их друзей и их врагов об этом не подумали! Может быть тогда они не захотели бы умирать и убивать, удобряя телами слишком ничтожный кусочек земли?» [1, с. 175]. Наташа осознает независимость природного, органического мира от социального; органичность живого только перечеркивает условность социального.

Однако сама Наташа на данном этапе пути находится между этими мирами. Осознание определяющей роли природы, естественной органичной жизни, не избавляет ее от социальной зависимости: память о революционном прошлом не отпускает героиню. Встреча и путешествие героини с двумя попутчиками, с отцом Яковом Кампинским и профессором Беловым, поляризует ее переживания. Героиня увлекается рассказами своего нового попутчика о природе, о России, о характерах русских людей. Максимально дистанцированный от истории человек помогает Наташе приблизиться к миру русской природы и спо-

собствует смене активной социальной позиции на пассивную, созерцательную и научную, познавательную. Ученый-геолог становится воплощением человека природного мира. Бесприходный поп отец Яков (очевидец ее «действий»), напротив, напоминает Наташе о ее «героическом» прошлом: невольно заставляет нервничать, вызывает удручающие воспоминания. Он становится воплощением преследующего Наташу социума.

Еще больше зависимость от своего революционного прошлого Наташа переживает в Иркутске. В романе «Свидетель истории» провинциальный топос, с одной стороны, становится срединным вариантом между пространством города и деревни, с другой стороны, Иркутск, наряду с провинциальными чертами, имеет столичные признаки («И не велик город Иркутск, а все же – сибирская столица!» [1, с. 188]). Сибирская столица становится моделью, сочетающей в себе черты обеих столиц – и Москвы и Петербурга (затруднение передвижений, безрезультатное хождение по кругу, опасность быть схваченной). Автор не случайно ставит на пути героини еще одно препятствие, которое следует осознанно преодолеть. Автор ведет героиню не к отказу от прежнего жизненного опыта, а к его переосмыслению. Жизненная позиция человека не сводится к жесткой модели поведения, деятельного или созерцательного. Это придает встрече трех героев еще одно значение. Автор сводит в одной точке людей, по-разному существующих в истории. Наташа – в прошлом активный деятель истории, Яков Кампинский – созерцатель, вовлеченный в исторический процесс, профессор – максимально дистанцирован от исторических событий, существует в границах научного познания. Все они сходятся на пути движения на восток, на пути смирения, с той лишь разницей, что профессор совершает путь не первый раз и по собственной воле, а Наташа и отец Яков – впервые и вынужденно. Герои с разной степенью обусловленности историей в итоге приходят в одну точку. Приоритетным становится «истинное» биографическое время, проживаемое в «истинном» пространстве глубинной России.

В этом смысле символичным становится вступление Наташи Калымовой на отрезок своего «окончательного» пути. Совершая путешествие вместе с экспедицией профессора Белова, она принимает созерцательную позицию. Преодоление финального участка географического пути (выход за границы России, пересечение пустыни) сопряжено с выходом на кульминационную стадию ее жизненного пути – стадию духовного освобождения. Ритм души перенимает уравновешенный, циклический характер движения каравана («спуск», «подъем», «опять спуск», «ровный шаг», «мягкий топот», «мерное покачивание»). Пустыня рождает особое, «статичное» восприятие пространства («...точно не караван движется, а уходит под ними песок и заменяется новым» [1, с. 197])

и времени («Не было счета дней, был только счет истекших и предстоящих столетий, которые не знали событий и не грозят ими в будущем» [1, с. 196]). Пребывание вне времени и вне пространства открывает красоту мира и окончательно перечеркивает социальные условности. Пустынное пространство Монголии и Китая погружает Наташу Калымову в новую религию – буддизм. Его принятие обусловлено не сознательным выбором, а органичностью восприятия. Наташа проделывает путь от модного для революционного времени нищезанятия до «вневременного» буддизма. Отка-

завшаяся от личного (природного) ради общественного, потерявшая близких людей и не раз испытывавшая угрозу смерти Наташа оказалась готовой к принятию буддизма. Залогом ее новой жизни становится приобщение к законам природного мира.

М. Осоргин не видел в буддизме спасения от катастрофичности истории. Предлагая своей героине путь индивидуального спасения, автор во втором своем романе уже не верит в органическую, природную спасительность истории, в то, что человечество встанет на путь смирения и созерцания.

Список литературы

1. Осоргин М. Свидетель истории // Свидетель истории. Книга о концах: Романы. Рассказы / сост., примеч., вступ. статья О. Ю. Авдеевой. М.: НПК «Интелвак», 2003. 496 с.

Жлюдина А. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: turubara-n@yandex.ru

A. V. Zhlyudina

THE WAY OF NATASHA KALYMOVA IN THE NOVEL OF M. OSORGIN «WITNESS OF THE HISTORY»

This article is devoted to problem investigation of poetry of space in the novel of M. Osorgin «Witness of the History». Special attention is paid to the heroine's way.

Key words: *space, poetry, novel, topos, way.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.

E-mail: turubara-n@yandex.ru.